

Ольга Александровна Владимирова – кандидат искусствоведения,
преподаватель Череповецкого Училища искусств и
художественных ремёсел им. В. В. Верещагина,
доцент Череповецкого государственного университета

Olga A. Vladimirova – Ph.d. in History of Arts, The teacher of
Cherepovets Regional Arts and Crafts College named after
Vereshchagin, associate professor of Cherepovets State University

УДК 78.071.1

А. ГЛАЗУНОВ В ВОСПОМИНАНИЯХ ПЕВЦА А. ДАВЫДОВА
(ПУБЛИКАЦИЯ И КОММЕНТАРИИ О. ВЛАДИМИРОВОЙ)

A.GLAZUNOV IN THE MEMORIES OF THE SINGER A.DAVYDOV
(PUBLICATION AND COMMENTARY OF O.VLADIMIROVA)

Аннотация

Цель публикации – ознакомить читателей с воспоминаниями певца А. Давыдова о русском композиторе А. Глазунове. Давыдов описывает своё знакомство с композитором в начале XX века и последние годы его жизни за рубежом. Он предлагает собственную версию невозвращения Глазунова на родину, во многом противоречащую существующим представлениям. В комментариях публикатор уточняет историю создания документа, привлекая свидетельства дочери певца Т. Давыдовой. Воспоминания А. Давыдова представляют ценность для исследователей жизни и творчества А. Глазунова, музыкантов-профессионалов и любителей музыки.

Abstract

The aim of the publication is to acquaint the readers with the unknown memories of the singer A. Davydov about the Russian composer A. Glazunov. Davydov describes his acquaintance with the composer at the beginning of the twentieth century and his last years of life abroad. He offers his own version of Glazunov's non-return to his motherland that in many ways contradicts the existing beliefs. In the commentary the publisher specifies the history of the creation of the document using the evidence of T. Davidova, the daughter of the singer.

A. Davydov's memoirs may be the object of interest to researchers of life and work of A. Glazunov, musicians-professionals and music lovers.

Ключевые слова: А. Давыдов, Т. Давыдова, воспоминания, А. Глазунов, последние годы жизни, зарубежный период.

Keywords: A. Davydov, T. Davydova, memories, A. Glazunov, last years of life, the period of residence abroad.

В 2015 году исполнится 150 лет со дня рождения композитора А. К. Глазунова, который в конце XIX и в начале XX века был заметной фигурой в европейской музыкальной культуре и сыграл большую роль в развитии музыкального образования в России. Но до сих пор его жизнь и творчество остаются недостаточно изученными и осмысленными. Это особенно касается последних (1928–1936), зарубежных годов жизни композитора, совпавших с целым рядом сложных, неоднозначных и подчас трагических событий в истории нашего государства и стран Европы. Объективная оценка этого периода истории началась только в самом конце XX и в наступившем XXI веке.

В существующих работах о Глазунове М. Ганиной, А. Курцман, А. Крюкова последний период его жизни наиболее обстоятельно описан только в книге М. Ганиной. На основании документальных свидетельств исследователь выявила основные причины невозвращения композитора в Советский Союз: несогласие с представлениями ряда молодых музыкальных деятелей Ленинградской консерватории о будущем развитии вуза и системы музыкального образования; ухудшение здоровья Глазунова¹.

А. Курцман в своей популярной монографии о Глазунове упоминала еще одну возможную причину – нежелание жены композитора, Ольги Николаевны, возвращаться в Россию [11, с. 155].

¹ Те же причины указывал и А. Крюков в своей монографии, изданной в 1984 году [см.: 10].

Авторы названных монографий, изданных в советское время, в силу идеологических условий были не свободны в интерпретации отдельных исторических событий. Кроме того, многие документы, которые помогли бы точнее воссоздать атмосферу жизни композитора последнего зарубежного периода, были для них недоступны. В частности, М. Ганина в своей монографии приводила воспоминания певца А. Давыдова² о последней встрече с композитором, ссылаясь на устные рассказы его вдовы С. Давыдовой [5, с. 352].

Только в 1990 году были опубликованы воспоминания Е. Глазуновой-Гюнтер – приёмной дочери композитора о его зарубежном периоде, которые на сегодняшний день можно считать наиболее достоверными [6].

В последние годы оживился интерес к культуре русского зарубежья XX века, и появились работы, вводящие в научный обиход статьи из газет и журналов, зарубежных эмигрантских изданий о жизни А. Глазунова за границей. В частности, ряд публикаций по этой теме сделан И. Проскуриной [12, с. 14–20; 13, с. 17–20; 14, с. 84–90].

Публикуемые воспоминания об А. Глазунове певца А. Давыдова были переданы в фонды Центрального Государственного Музея музыкальной культуры им. М. Глинки (Москва) в 1966 году и до настоящего времени были неизвестны широким кругам исследователей и музыкантов. Эти воспоминания написаны очень живо, с большой теплотой по отношению к композитору и дополняют известные факты его жизни за границей новыми яркими деталями.

Большой удачей стало и обнаружение в Центральном Государственном архиве литературы и искусства воспоминаний об А. Давыдове его дочери –

² Александр Михайлович Давыдов (Александр Моисеевич Левинсон, 1872–1944) – советский певец (лирико-драматический тенор). Ученик К. Эверарди. Заслуженный артист Республики (1924). В 1889–1914 выступал на оперной сцене (с 1900 года – в Мариинском театре). Один из лучших исполнителей партий Германа, Канио, партий в операх Р. Вагнера. С середины 20-х годов работал за границей (в 1934 был режиссером оперной труппы, в которой пел Ф. Шаляпин). В 1935 году вернулся в СССР. С 1936 года преподавал в вечерней школе пения при Ленинградском театре оперы и балета.

Тамары Александровны Давыдовой³ [9]. Документы поступили в ЦГАЛИ от дочери певца в 1993 году; туда же в 1994 году была передана часть архива семьи Давыдовых его внучкой – А. Давыдовой. Сопоставление информации в двух этих документах (воспоминаниях дочери А. Давыдова об отце и А. Давыдова о Глазунове) детализирует исторический контекст, углубляет наши представления об авторе воспоминаний и реалиях его времени.

Тамара Александровна была очевидцем создания воспоминаний о Глазунове и детально описала этот процесс, проходивший в нелегкие военные годы в эвакуации: «Новосибирск. Небольшая комната в благоустроенном сто квартирном доме, куда поселили Черкасова⁴, Симонова⁵, Корчагину-Александровскую⁶, Мравинского⁷ и многих других больших артистов Ленинграда. Отец сидит и пишет. И курит без конца. “– Что ты все пишешь, папа? – Надо оставить след о жизни артиста. Может быть, когда-нибудь это привлечет внимание потомков. Тамара, достань мне любую бумагу, не на чем писать. И табак, и сделай мне сама папиросы”. И я доставала школьные тетради в косую линейку и всякую макулатуру, на которой можно было бы писать, и часами клеила и мастерила папиросы. Шёл первый год войны. Нужно было помочь отцу, старому человеку, прошедшему сложную жизнь – от певчего в церковном хоре до блестящего тенора Мариинского театра, от триумфальных турне по всему миру до мучительной глухоты, заставившей его оставить сцену, от потрясения и принятия революции до печального эшелона на Финляндском вокзале 22 августа 1941 года» [9, с. 1]. Александр Михайлович Давыдов был младшим современником Глазунова. Знакомство семьи Давыдова с композитором произошло в 900-е годы. Дочь певца, Тамара Александровна,

³ Тамара Александровна Давыдова (1910–1997) – актриса, мастер художественного слова.

⁴ Черкасов Николай Константинович (1903–1966) – советский актёр театра и кино.

⁵ Симонов Николай Константинович (1901–1973) – советский российский актёр театра и кино, театральный режиссёр.

⁶ Корчагина-Александровская Екатерина Павловна (1874–1951) – русская и советская актриса театра и кино.

⁷ Евгений Александрович Мравинский (1903–1988) — советский дирижёр.

вспоминает: «Александр Константинович Глазунов был дружен с моими родителями, особенно с мамой. Они помогали деньгами и концертами бедным студентам и музыкантам» [9, с. 13].

В начале Великой Отечественной войны Давыдов, эвакуированный в далёкий Новосибирск, в своих записях мысленно возвращается в прошлое, описывая историю своего знакомства с А. Глазуновым и парижские встречи с ним в 30-х годах. Кроме этого он вспоминает некоторые факты из жизни Рахманинова и Шаляпина, с которыми встречался в те годы во Франции.

Но, читая эти воспоминания, следует обратить внимание на одно замечание дочери певца. По словам Тамары Александровны, отец «...был прекрасным рассказчиком, многое импровизировал и в пользу успеха повествования, <...> иногда уклонялся от истины» [9, с. 18]. Поэтому подчас в интерпретации отдельных событий и характеристиках тех или иных людей из русской эмиграции 30-х годов Давыдов грешит субъективизмом, и возможно, «ложью во спасение» пытается создать миф об огромном желании Глазунова вернуться в Советский Союз.

В воспоминаниях русских эмигрантов о зарубежном периоде жизни Глазунова можно найти разные варианты ответов самого Александра Константиновича на этот вопрос. Например, Вера Николаевна Бунина, жена поэта Ивана Алексеевича Бунина, оставила такие записи о встрече с Глазуновым в 1929 году: «11. IX. 29. Завтрак в Antibes⁸ у Сорина⁹ – с Глазуновым и его женой, Тэффи¹⁰ и Тикстоном¹¹. Глазунов вполне рамоли¹²,

⁸ В воспоминаниях Е. Глазуновой-Гюнтер есть упоминание об этом месте: «Антиб помимо чудной природы и прекрасного моря имел для русских свои достопримечательности. Здесь располагалась величественная трехэтажная вилла Тенар с довольно большим сводчатым балконом, где проживал Великий Князь Николай Николаевич, бывший Главнокомандующий Императорской армии. Он скончался в начале года, но его вилла все еще притягивала всех эмигрантов, которые в это время отдыхали в Антибе или близлежащих Каннах и Ницце» [6, с. 47].

⁹ Савелий Абрамович Сорин (1878–1953) – русский художник-портретист.

¹⁰ Надежда Александровна Лохвицкая (псевдоним – Тэффи) (1872–1952) – русская писательница.

тупой, равнодушный, даже сюртук как на покойнике. “Вернётесь в Россию?” – “Да-а... Там у меня много обязанностей... Относятся ко мне чрезвычайно хорошо...” И даже рассказал, как кто-то очень важный снял с себя и возложил на него цепь с красной звездой. Получает 200 р. пособия большевицкого» [3].

Другое мнение композитора находим в воспоминаниях Анны Кашиной-Евреиновой (жены Н. Евреинова¹³): «Вот разговор Н. Евреинова и А. Глазунова в мон-мартрском кафе.

“Николай Николаевич, объясните мне, почему мы с вами здесь? Зачем? Вы – русский деятель театра, я – русский композитор. Зачем мы здесь? – говорил уже подвыпивший Глазунов.

– А вам разве ТУДА хочется, Александр Константинович?

– Ой, что вы, что вы! – испуганно замахал руками Глазунов. – Когда и во сне-то вижу, что я ТАМ, так просыпаюсь в холодном поту!” [цит. по: 7].

Сложность положения композитора за границей состояла и в том, что Глазунов формально числился ректором Ленинградской консерватории до июня 1930 года (его обязанности исполнял Максимилиан Штейнберг¹⁴). Когда же этот срок истек, правительством была предпринята попытка вернуть Глазунова в Россию. И. Барсова, описывая эту ситуацию, приводит в своей статье ответ на письмо Феликса Кона, заместителя председателя Интернациональной контрольной комиссии из советского Полпредства в Париже: «Уважаемый товарищ, Ваше письмо, адресованное через Полпредство проф. Глазунову, не могло быть нами ему передано, так как он сейчас не находится в Париже. Возможно, он уехал в Америку, но на сколько времени и где сейчас находится, сказать трудно. С товарищеским приветом 1-ый

¹¹ Павел Андреевич Тикстон (1870–1939?) – потомок обрусевших датчан. В Петербурге был директором банка, промышленник. Гражданский муж Н. А Тэффи.

¹² Человек, впавший в старческое слабоумие.

¹³ Николай Николаевич Евреинов (1879–1953) – русский и французский режиссёр, драматург, теоретик и преобразователь театра, историк театрального искусства, философ и лицедей, музыкант, художник и психолог.

секретарь Полпредства И. Дивильковский» [цит. по: 2, с. 18].

На самом деле Глазунов вернулся из Америки в феврале 1930 года и почти сразу уехал на гастроли в страны Европы. Возможно, осторожный ответ представителей Полпредства о местопребывании композитора связан с желанием помочь ему и его близким остаться за рубежом. Один из советских дипломатов, живших в то время в Париже, А. Бармин в своей книге «Соколы Троцкого» оставил такие воспоминания о ситуации в Советском Союзе в начале 30-х годов: «Принудительная коллективизация, арест и высылка зажиточных крестьян, репрессии против интеллигенции, конфликты в партии, хлебные карточки, восстания в отдельных районах страны – всё это создавало у нас тревожное настроение. Несколько наших беспартийных специалистов, которых отзывали в Москву, отказались возвращаться и перешли на работу в иностранные фирмы. *Возвращение домой означало конец комфортной жизни и необходимость давать отчёт о своем поведении за границей. Именно эти обстоятельства подтолкнули большинство из них к такому решению, а не оппозиционные политические настроения*» [1; курсив мой. – О. В.]. Вполне возможно, что и для семьи Глазунова именно эта мотивация могла быть главной причиной невозвращения. До конца жизни композитор сохранил советское гражданство и не принял предложение от русских музыкантов, живших за границей стать во главе Русской консерватории в Париже.

И ещё очень важно учитывать быстро прогрессирующую болезнь Глазунова. Сохранились и воспоминания доктора Сергея Федоровича Вербова, непосредственно лечившего композитора на протяжении двух последних лет его жизни: «Тяжело больной, он сохранял полную ясность мысли и особенно, вовсе не свойственную обычно таким больным, беспечность и добродушие. Далеко зашедший почечный склероз с большим количеством мочевины в крови означал, по тому времени, конечную стадию долгого почечного заболевания с

¹⁴ Штейнберг Максимилиан Осеевич (Осипович) (1883–1946) – российский композитор, дирижёр, педагог, музыкальный деятель.

неизбежным фатальным исходом в недалеком будущем. Больной, однако, не только сохранял удовлетворительное общее состояние, но, настроенный оптимистично, не докучал врача вопросами о своей болезни и охотно беседовал на темы отнюдь не медицинские. <...> Он беспрекословно подчинялся врачебным предписаниям, весьма сложным в его состоянии, но, со своей стороны, требовал от врача уважения к усвоенным им издавна привычкам и послужившим, очевидно, причиной его заболевания. Главным из этих обыкновений было неумеренное потребление им алкоголя. На расстоянии его руки, на столике находилось главное его лекарство, дававшее ему чувство эйфории – бутылка коньяку, и он *ad libitum* делал из него пусть и умеренное теперь употребление. Не было смысла лишать его этого средства в момент, когда единственно речь могла идти об утолении его страданий» [4, с. 470].

Приведенные цитаты позволяют осознать сложность и неоднозначность поведенческих мотиваций композитора в зарубежные годы. Скорее всего, Давыдов знал об этом. Возможно, он записал свои воспоминания, не желая, чтобы Глазунова считали «невозвращенцем»¹⁵. И потому Александр Михайлович специально акцентирует высказывания и поступки Глазунова, которые смогли бы реабилитировать его в глазах тогдашнего советского руководства.

Для изучения жизни и творчества великих композиторов дороги любые документальные свидетельства их современников. Воспоминания А. Давыдова представляют большую ценность как для музыкантов-профессионалов, так и для широкого круга любителей музыки.

Оригинальная рукопись А. Давыдова написана убористым разборчивым почерком фиолетовыми чернилами на пяти листах размером с амбарную книгу. Листы пожелтевшие, без полей, края оборванные, неровно обрезан правый край. На первом и втором листах отсутствует правый нижний уголок, многие

¹⁵ И. Барсова пишет: «После революции 1917 г. в России ясно обозначились три формы эмиграции: *добровольный отъезд*, *высылки* инакомыслящих и “враждебных элементов” и

потерты на сгибах. Сшиты толстыми черными хлопчатобумажными нитками в левом верхнем углу вместе с поясняющей запиской на листке тетрадной бумаги в клетку: «Находясь в эвакуации в Новосибирске, А. М. Давыдов (в годы 1901–1918_[9] известный тенор Мариинского театра), прислал мне на просмотр свои воспоминания об А. К. Глазунове. Опубликовать их он не успел, так как скоро умер». 1966 г. 20 февраля. С. Леви[нсон?]».

В конце рукописи сохранилась пометка Давыдова о намерении записать воспоминания о квартете им. А. Глазунова, но эти планы певца не осуществились. В 1943 году по ходатайству И. Козловского¹⁶ и А. Яблочкиной¹⁷ он был отправлен по состоянию здоровья в Москву в Дом ветеранов сцены, где и скончался.

В тексте воспоминаний автором публикации сделаны небольшие правки орфографии и пунктуации.

А. Давыдов. Памяти А. К. Глазунова

(глава из книги моих воспоминаний) Новосибирск, 1943 г.¹⁸

«Шесть лет прошло с того печального дня, как скончался А. К. Глазунов, но до сих пор как-то не верится, что он ушел от нас навсегда, что мы никогда больше его не увидим и не услышим.

Для искусства, а для русской музыки, в особенности, эта потеря исключительно тяжелая.

А. К. [Александр Константинович] принадлежал к числу тех редких людей, личное обаяние которых покоряло всех, с кем он встречался. Прославленный композитор, имя которого с гордостью произносилось у нас на

невозвращение (так называемые “невозвращенцы”» [См.: 2, с. 10].

¹⁶ Иван Семёнович Козловский (1900–1993) – советский оперный и камерный певец (лирический тенор), режиссёр.

¹⁷ Александра Александровна Яблочкина (1866–1964) – российская и советская актриса театра.

¹⁸ ГЦММК им. М. Глинки. Ф. 48. № 202.

родине и с большим уважением далеко за ее пределами, директор Ленинградской консерватории, председатель союза драматических и музыкальных писателей – все это в связи с монументальной фигурой покойного внушало тем, кто обращался к нему впервые какой-то священный трепет. Но как быстро проходило это смущение! Попасть к А. К. Глазунову было необычайно легко... стоило заявить о желании говорить с ним, и час приема назначался тут же.

А говорить оказывалось вовсе не страшно. А. К. так внимательно и терпеливо слушал, так спокойно и вразумительно отвечал на вопросы, проявлял столько благожелательности, что все уходило от него очарованные.

Ни одна просьба, если она была хоть немного обоснована, не оставалась неудовлетворенной.

Умереть А. К. пришлось на чужбине. Произошло это только потому, что тяжелая болезнь не позволила ему вернуться в родной Ленинград, в котором он прожил всю свою зам[ечательную?] ¹⁹ жизнь, которую он так беспредельно любил. Он не прерывал связи с ним до конца своих дней. Он жаждал как можно скорее вернуться на родину, он мечтал о возможности вновь приняться за работу там, у себя, – он с вожделием ждал момента, когда врачи позволят предпринять ему долгое путешествие домой, но судьба решила иначе – окончить свои земное странствие ему пришлось вдали, среди чуждых ему людей.

Казалось бы, у А. К. врагов быть не могло – он никогда и никого не обидел, даже в мелочах. Но грязные людишки, к сожалению, еще не перевелись. Кому-то из них понадобилось пустить подлый слухок о том, что Глазунов был “эмигрантом”, злостно обманувшим правительство Советского Союза, отпустившее его за границу на лечение болезни и т. п. Нелепость, сплошная клевета! Я считаю своей нравственной обязанностью ее опровергнуть, и счастлив, что имею возможность это сделать, благодаря тому,

¹⁹ В этом месте уголок рукописи оторван.

что, прожив за границей несколько лет, по той же грустной необходимости, как и покойный, т. е. для лечения тяжелой болезни, очень часто с ним встречался, много с ним говорил и был в курсе всех его планов и намерений на будущее.

Я познакомился с А. К. Глазуновым в 1900 году. Мы встречались на музыкальных вечерах, в которых участвовали такие выдающиеся артисты как Ауэр²⁰, Вержбилович²¹, Есипова²², Кюи²³, Аренский²⁴, Зилоти²⁵ и другие знаменитости Петербурга. Постоянным участником этих вечеров был и Александр Константинович. Его любимицей была замечательная исполнительница, поныне здравствующая артистка М. И. Бриан²⁶ – профессор Ленинградской консерватории, которая действительно мастерски пела его романсы. Пел их и я – в то время ведущий артист Мариинского театра. Особенно удавался мне романс А. К. “Сновидение”, за который автор меня очень хвалил. Участвовала в этих вечерах и моя жена – заслуженная артистка РСФСР С. О. Давыдова как пианистка. А. К. часто просил ее исполнять знаменитое Трио [Памяти великого артиста] Чайковского вместе с Ауэром и Вержбиловичем. Это трио он очень любил.

Тогда же между нами установились тесные, дружеские отношения, которые не прекращались ни здесь, ни за границей вплоть до моего отъезда из Парижа в ноябре 1935 года. Я уже говорил, что пребывание за рубежом, как для меня, так и для А. К., было вызвано исключительно необходимостью лечиться. Других причин засиживаться там у нас не было. Мы оба мечтали о

²⁰ Ауэр Леопольд Семенович (1845–1930) – скрипач, педагог, дирижер, профессор Санкт-Петербургской консерватории.

²¹ Вержбилович Александр Валерианович (1849/50–1911) – русский виолончелист, педагог.

²² Есипова Анна Николаевна (1851–1914) – русская пианистка и педагог, профессор Санкт-Петербургской консерватории.

²³ Кюи Цезарь Антонович (1835–1918) – русский композитор, музыкальный критик, инженер-генерал, специалист в области фортификации. Член содружества композиторов Новой русской школы в Петербурге (кружок Балакирева).

²⁴ Аренский Антоний Степанович (1861–1906) – русский композитор, пианист, дирижер, педагог.

²⁵ Зилоти Александр Ильич (1863–1945) – русский дирижер, пианист.

²⁶ Бриан (настоящая фамилия Шмаргонер) Мария Исааковна (1886–1965) – советская певица (лирическое сопрано), педагог.

возвращении в родные края, часто и долго об этом говорили с милым товарищем Довгалеvским²⁷ – нашим полпредом в Париже, который к нам относился исключительно тепло.

Увы, подтвердить он этого уже не может, т.к. неумолимая смерть вырвала из наших рядов и этого замечательного человека. Ни Глазунов, ни я никогда не имели отношения, хотя злопыхатели, оставшиеся на родине и старались приобщить нас, без всяких к тому оснований, к числу врагов отечества. Я с радостью вернулся на родину, дальнейшая жизнь среди чуждых мне по духу людей, стала уже не под силу.

Хотя полного исцеления от угнетавшей меня и парализовавшей до известной степени мою деятельность болезни, я не получил, но так как некоторое облегчение, несомненно, было налицо, то я предпочел продолжать лечиться у себя, где к тому времени вопросы лечения поднялись на большую высоту, как, например, в Кисловодске и, во многих случаях, опережали западную Европу.

Глазунову этого сделать не удалось. Он чувствовал себя настолько плохо, что почти не передвигался, просиживая целые дни в кресле, подняться с которого без посторонней помощи, не мог. Помню наше свидание перед самым моим отъездом. Я пришел к нему проститься.

“– Уезжаешь, Саша, – грустно сказал А. К., и слезы показались на его прекрасных глазах. Как я тебе завидую! Как бы я хотел уехать с тобой вместе! Но ты видишь, в каком я положении... Тем не менее, скажи М. О. Штейнбергу и А. В. Оссовскому²⁸, что весной я надеюсь поправиться настолько, что смогу вернуться и прижать их к своему сердцу. Скажи, что я беспредельно тоскую и, находясь здесь физически, душой и мыслями всегда там, с ними, в моём дорогом Ленинграде...”

²⁷ Довгалеvский Валериан Савельевич (1885–1934) – советский государственный деятель, дипломат.

²⁸ Оссовский Александр Вячеславович (1871–1957) – российский и советский музыковед и критик.

Мне было невыносимо тяжело смотреть на этого колосса, прикованного к креслу, страдающего, беспомощного. Я мало верил в возможность его исцеления, – у него уже начался отёк ног, причинявший ему невероятные мучения – предвестник близкого финала. Но я его утешал, ободрял, говоря о планах на будущее у себя на родине. А. К. оживился, глаза его заблестели: – “Да, да, конечно, – говорил он, – работы непочатый край! Теперь консерватория не та, что была. Ей уже не нужны меценаты и подачки. О ней полностью заботится правительство. Двери её широко распахнуты для всех, желающих посвятить себя музыке, во всех её отраслях. А какая сейчас дорога для талантливой молодежи! Ты и твоя жена, хорошо знаете, каково было пробивать себе путевку в жизнь, не имея средств и связей. Ведь вы были моими ближайшими сотрудниками по вопросу добывания средств для бедных учеников. Все это безвозвратно кануло в вечность! Как я хочу поскорее вернуться и с головой окунуться в работу. Как только приеду, сейчас же приобшщу тебя к работе в нашей консерватории. Ты с твоими знаниями и опытом нам нужен... Скажи нашим, что приеду не с пустыми руками. Я задумал большую музыкальную вещь специально для Советского Союза. Я вложу в нее все свои силы, весь свой опыт... Это будет неплохо, я чувствую!”

Зная скромность А. К., я верил, что он действительно задумал нечто грандиозное, оставляющее позади его прежние произведения, сами отмеченные такой большой талантливостью. К несчастью, осуществить свою идею А. К., вероятно не удалось – его состояние не улучшалось, и работать он не мог.

В заключение приведу несколько отрывочных воспоминаний об А. К. Глазунове, связанных с последними годами его жизни.

В парижском театре “Опера Комик” задумали поставить оперу Бородина “Князь Игорь”, с участием Шаляпина²⁹. По желанию Шаляпина, ставить эту оперу пригласили меня, а в качестве музыкального руководителя и консультанта был приглашен А. К., являющийся, как известно, редактором этой

²⁹ Шаляпин Федор Иванович (1873–1938) – русский певец (высокий бас).

оперы. Перед началом репетиции у Шаляпина состоялось заседание, посвященное предстоящей постановке. Одним из существенных вопросов была переделка тесситуры партии Кончака, которая для Шаляпина была низка. В этой опере Шаляпин пел одновременно две роли: Галицкого и Кончака. Делалось это по указаниям и под непосредственным наблюдением Александра Константиновича. Зная экспансивность Шаляпина и веру только в свой авторитет, я был поражен тем вниманием, с которым он относился к указаниям А. К., принимая их безоговорочно, без всяких возражений. Это было столь необычно, что поразило всех, привыкших к тому, что Шаляпин редко считался с чужим мнением. Но таким был, очевидно, его пиетет к имени Александра Константиновича.

После совещания мы остались обедать у Шаляпина, где присутствовали также С. В. Рахманинов. Во время обеда А. К. произнес речь, обращенную к хозяину дома, в которой он решительно настаивал на возвращении Шаляпина и Рахманинова в родные края. С глубоким вниманием слушали мы вдохновенные слова А. К.

Как игла врезалась в мою память следующая фраза Александра Константиновича. Он сказал: “Дорогие Федор Иванович и Сергей Васильевич! Где бы мы ни были, за пределами нашей родины, мы обязаны делать наше русское дело. Мы с вами, так сказать, являемся “послами духа” неофициального назначения”. После этого Шаляпин, подняв свой бокал, сказал: “Я поднимаю свой бокал за процветание моей родины, за всех тех, кто ведёт Россию к будущей, как море свободной жизни”. К этому тосту горячо присоединился С. В. Рахманинов. Затем Шаляпин с чувством сказал: “Ну что ж, пусть мой дорогой друг Алексей Максимович Горький³⁰ потребует, и я немедленно поеду к своему народу”.

³⁰ Горький Алексей Максимович (Алексей Максимович Пешков; 1868–1936) – российский и советский писатель.

Для всех присутствующих было ясно, что это не фраза, и если бы не болезнь А. М. [Алексея Максимовича], которого я, по поручению Шаляпина должен был просить сменить гнев на милость и сделать первый шаг к примирению, то Шаляпин был бы у нас. (Конфликт А. М. Горького с Шаляпиным был исключительно по вопросу о возвращении Ф. И. на родину. Об этом конфликте я подробно пишу в главе о моей встрече и дружбе с А. М. Горьким).

Но этого, к сожалению, не произошло. Шаляпин, как и А. К. умер на чужой земле. Что Шаляпин безумно тосковал по родине я утверждаю совершенно категорически, что мысль о возвращении домой его не покидала – факт бесспорный, – и если это не осуществилось, то виноват не столько он, как некоторые причины его окружения, препятствующие этому возвращению и влияние некоторых близких ему лиц, не желавших ехать в СССР.

Впрочем, не в этой статье, посвященной памяти А. К. об этом говорить. Когда-нибудь я попробую вскрыть истинную трагедию “эмигранта” Шаляпина и тогда многое неясное и спорное станет понятным.

Как-то в дружеской беседе я жаловался А. К. на свою глухоту, препятствующую мне продуктивно работать. “Преувеличиваешь ты, брат, – сказал мне А. К., – третьего дня во время репетиции “Князя Игоря” ты подошёл ко мне и сказал, что гобой в арии Кончака вступил не вовремя, но ты в этом не уверен... Может быть, тебе только показалось. Между тем, это было совершенно верно. Какой же после этого у тебя недуг? Ты ясно слышишь, даже когда я говорю, а говорю я очень тихо, это я знаю... Очень жаль, что у Бетховена не было усовершенствованного слухового аппарата”, – сказал А. К.!

Этими словами, такими простыми и душевными А. К. влил в меня столько сил и энергии, сколько не могли дать и самые прославленные доктора, ни самые усовершенствованные аппараты. Я почувствовал, что могу еще работать и приносить своей стране пользу.

Один из концертов известного Парижского оркестра “Пауделу”, был посвящен полностью произведениям А. К. Глазунова. Это было в огромном театре “Сары Бернар”. Его фортепианный концерт играл блестящий пианист Орлов³¹, а оркестр исполнял “Стеньку Разина”, отрывки из “Раймонды” и другие его замечательные произведения.

Концерт этот был сплошным триумфом Александра Константиновича. Многие эмигрантские музыканты усиленно, но безуспешно старались перетянуть А. К. в свой лагерь. Однако, он всегда твердо заявлял, что является Советским гражданином, любит свою родину и никогда ей не изменит. За эти слова некий Шлёцер³² горе-критик эмигрантской газеты “Последние новости”, издававшейся в Париже, попытался было отомстить А. К., написав, что музыка Глазунова отстала от жизни, потому что за последние годы, во время пребывания его в Советском Союзе, его творчество иссякло. По свойственной А. К. скромности сам он ничего на эту злобную чепуху не ответил, но настоящие музыкальные критики всего мира целый год издевались над Шлёцером. Один видный американский критик назвал статейку «отрыжкой от перегара эмигрантской жизни».

Однажды Шаляпин обратился к А. К. с просьбой переделать для баса ему баритоновую партию Грязного в опере Римского-Корсакова “Царская невеста”. А. К. ответил уклончиво: “Мне, собственно говоря, не совсем улыбается мысль о переделке того, что было сделано таким большим композитором, как Н. А. Римский-Корсаков³³, – сказал он, – но я подумаю. Во всяком случае, на чужбине я этого не сделаю. Когда мы вернемся домой, я кое-с кем посоветуюсь

³¹ Орлов Николай Андреевич (1892–1964) – русский пианист, ученик К. Н. Игумнова. В 1917–1922 годах был профессором Московской консерватории. С 1922 года жил за рубежом, выступал во многих странах Европы и Америки.

³² Шлёцер Борис Федорович (1881–1969) – философ, музыкальный писатель, критик. Племянник П. Ю. Шлецера. Родился в России. Был дружен с А. Н. Скрябиным (сестра Шлёцера – Татьяна Федоровна была женой композитора), оказал существенное влияние на его мировоззрение.

³³ Римский-Корсаков Николай Андреевич (1844–1908) – русский композитор, педагог, музыкальный общественный деятель, дирижер.

и, если не встретится принципиальных препятствий, то я готов исполнить Вашу просьбу. Но здесь – ни в коем случае”.

Я не мог проводить моего дорогого и незабвенного друга в последний путь. Он умер вдали... Так пусть же эти вылившиеся из моего сердца строки будут моей посильной данью светлой памяти прекрасного человека, гениального композитора и безоговорочно Советского гражданина А. К. Глазунова.

А. Давыдов.

Новосибирск, 1943 г.

Р. S. Здесь последует некоторое дополнение о нашем квартете им. А. К. Глазунова».

Литература

1. Бармин А. Соколы Троцкого [Электронный ресурс]. – URL: http://www.e-reading.mobi/bookreader.php/4336/Barmin_-_Sokoly_Trockogo.html (дата обращения 16.02.2015).
2. Барсова И. Контурь столетия. Из истории русской музыки XX столетия. СПб. 2007.
3. Бунин И. Устами Буниных. Дневники И. А. и В. Н. и другие архивные материалы, под редакцией Милицы Грин. В трёх тт. Том 2. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.az.lib.ru/b/bunin_i_a/text_1810-2.shtml (дата обращения 16.02.2015).
4. Вербо С. Люди, пути и тропы. (Клуб заштатных интеллигентов). Париж. 1970.
5. Ганина М. А. К. Глазунов. Жизнь и творчество. Л. 1961.
6. Глазунова-Гюнтер Е. Мой отец Александр Глазунов // Советская музыка. 1990. № 10. С. 46–55.
7. Гуль Роман. Я унёс Россию. Т. 2. Часть 2 [Электронный ресурс]. – URL: http://www.dk1868.ru/history/gul2_2.htm (дата обращения 16.02.2015).
8. Давыдов А. Памяти А. К. Глазунова (глава из книги моих воспоминаний) Новосибирск, 1943. ГЦММК им. М.И.Глинки. Ф. 48. № 202.
9. Давыдова Т. «Всё, что вспомнила» (Воспоминания об отце, авторизованная машинопись) 1971. ЦГАЛИ, Санкт-Петербург. Ф. 565. Оп. 1. Д. № 24.
10. Крюков А. А. К. Глазунов. М. 1984.
11. Курцман А. А. К. Глазунов. М. 1965.
12. Проскурина И. А. К. Глазунов и русская диаспора в Париже: стиль жизни и стратегия социокультурной адаптации // Музыка и время. 2008. № 4. С. 14–20;
13. Проскурина И. Вечер в Pleyel: Шлёцер рецензирует А. Глазунова // Музыковедение. 2008. № 6. С. 17–20.

14. Проскурина И. Американское путешествие А. Глазунова // Музыкальная академия. 2009. № 3. С. 84–90.

References

1. Barmin A. Sokoly Trockogo [Elektronnyj resurs]. – URL: http://www.e-reading.mobi/bookreader.php/4336/Barmin_-_Sokoly_Trockogo.html (data obrashhenija 16.02. 2015).
2. Barsova I. Kontury stoletija. Iz istorii russkoj muzyki HH stoletija. SPb. 2007.
3. Bunin I. A . Ustami Buninyh. Dnevniky I.A. i V.N. i drugie arhivnye materialy, pod redakciej Milicy Grin. V trjoh tt. Tom 2. [Elektronnyj resurs]. – URL: http://www.az.lib.ru/b/bunin_i_a/text_1810-2.shtml (data obrashhenija 16.02.2015).
4. Verbov S. Ljudi, puti i tropy. (Klub zashtatnyh intelligentov). Parizh. 1970.
5. Ganina M. A. K. Glazunov. Zhizn' i tvorchestvo. L. 1961.
6. Glazunova- Gjunter E. Moj otec Aleksandr Glazunov // Sovetskaja muzyka. 1990. № 10. S. 46–55.
7. Gul' Roman. Ja unjos Rossiju. T. 2. Chast' 2 [Elektronnyj resurs]. – URL: http://www.dk1868.ru/history/gul2_2.htm (data obrashhenija 16.02.2015).
8. Davydov A. Pamjati A.K.Glazunova (glava iz knigi moih vospominanij) Novosibirsk, 1943. GCMMK im. M.I.Glinki. F. 48. № 202.
9. Davydova T. «Vsjo, chto vspomnila» (Vospominanija ob otce, avtorizovannaja mashinopis') 1971. CGALI, Sankt-Peterburg. F. 565, Opis' 1. D. № 24.
10. Krjukov A. A. K. Glazunov. M. 1984.
11. Kurcman A. A. K. Glazunov. M. 1965.
12. Proskurina I. A. K. Glazunov i russkaja diaspora v Parizhe: stil' zhizni i strategija sociokul'turnoj adaptacii // Muzyka i vremja. 2008. № 4 S. 14–20.
13. Proskurina I. Večer v Pleyel: Shljocer recenziruet A. Glazunova // Muzykovedenie. 2008. № 6. S. 17–20.
14. Proskurina I. Amerikanskoe puteshestvie A. Glazunova // Muzykal'naja akademija. 2009. № 3. S. 84–90.